

Джеральд Диркс, священник Объединенной Методистской Церкви, США (часть 1 из 4)

Среди воспоминаний детства – звон церковного колокола, созывающего на воскресную службу жителей провинциального городка, где я вырос. Методическая церковь была старым зданием с двумя учебными классами, уютно расположенными за деревянными дверьми, которые отделяли их от святилища. Мы жили всего в двух кварталах от церкви, и, едва заслышав звон колокола, всей семьей отправлялись на службу.

В нашем маленьком городке три церкви были центром общественной жизни. В восьмом классе я был прилежным посетителем двухнедельной Библейской школы, организуемой церковью каждый июнь. Однако воскресная утренняя служба и Воскресная школа были еженедельным событием, и я стремился пополнять моё собрание булавок за лучшую посещаемость и вознаграждений за заучивание стихов Библии.

Местная методическая церковь закрылась, когда я учился в средней школе, и мы стали посещать церковь соседнего городка. Тогда я впервые стал видеть духовенство своим будущим. Я стал членом сообщества церковной молодежи и постоянным пастором на ежегодных молодежных воскресных службах. Мои службы стали привлекать внимание, время от времени я проповедовал в других церквях, в домах престарелых, связанных с церковью молодежных группах, где я бил рекорд посещаемости.

К 17 годам, на первом курсе гарвардского колледжа, желание принять духовный сан окрепло. Я записался на двухсеместровый курс сравнительного религиоведения. Преподаватель курса, Вилфред Кантвел Смит, специализировался на Исламе. Тогда я уделял Исламу намного меньше внимания, нежели остальным, незнакомым и эзотерическим религиям вроде индуизма и буддизма. В отличие от них, Ислам казался мне чем-то напоминающим христианство. Я не заострял на нем внимания, хотя хорошо помню свою курсовую работу о понятии Откровения в Коране. Поскольку курс занимал важное место в академической

программе, я все же приобрел несколько книг об Исламе, написанных авторами-немусульманами. Эти книги пригодились мне спустя 25 лет. Среди тех книг были и два смысловых перевода Корана на английский язык, которые я читаю сейчас.

Той весной Гарвард присвоил мне звание учёного-богослова, символизирующее, что я был одним из ведущих студентов на факультете богословия. Летом после первого курса я работал молодым проповедником в довольно большой объединенной методистской церкви, которая спустя год выдала мне права на чтение проповедей. Окончив гарвардский колледж в 1971 году, я поступил в гарвардскую школу богословия, где получил степень магистра богословия в 1974-ом и стипендию Стюарта от Объединенной Методистской Церкви как приложение к моей стипендии Школы Богословия Гарварда. За время моего обучения в семинарии я также экстерном закончил двухлетнюю программу на священника больницы в больнице Питера Бенте Брайэма в Бостоне. Следующее лето я прослужил священником в двух Объединенных Методистских церквях в Канзасе, где посещаемость взлетела до высот, невиданных там уже давно.

Внешне я был подающим надежды молодым священником с превосходным образованием, созывающим толпы народа на воскресную службу. Успех поджидал меня на каждом этапе пути духовенства. Но в душе не прекращалась борьба за сохранение личной целостности и искренности, оставаясь при этом верным духовенскому долгу. Это не та борьба, которую сегодня, казалось бы, ведут телепроповедники в надежде отстоять собственную сексуальную нравственность... Моя борьба хорошо знакома любому образованному члену духовенства.

Есть некая ирония в том, что для лучшего духовного образования (например, в Гарвардской богословской школе) отбираются, казалось бы, самые продвинутые, выдающиеся, преданные будущие священники. Ирония в том, что далее перед семинаристами открывается вся историческая правда о:

- 1) становлении конформистской церкви и ее формировании с учетом геополитических соображений;
- 2) чтении «оригинала» различных библейских текстов, многие из которых резко отличались от того, что читают большинство христиан, открывая Библию, хотя постепенно эта информация («оригинал») вводится и в новые улучшенные варианты переводов;
- 3) развитию понятия о триедином Боге и божественной природе (сын Бога) Иисуса, мир ему и благословение Господа;
- 4) нерелигиозных факторах в основе многих христианских принципов и убеждений;

- 5) существовании ранних церквей и христианских движений, не принявших идею триединства Бога и божественности Иисуса, мир ему и благословение Господа;
- 6) и т.д. (более подробно можно прочитать в моей книге «Крест и полумесяц» (The Cross and the Crescent)).

Таким образом, неудивительно, что большинство выпускников семинарии так никогда и не встают за церковную кафедру, где им пришлось бы призывать к тому, что (как они выяснили) было неправдой. Со мной случилось то же самое. Я отправился за степенью магистра и доктора по психологии. Я продолжал называться христианином – важный момент самоидентификации. И потом я ведь был посвященным в сан, пусть моя работа и была полностью связана с психическим здоровьем. Однако мое семинарское образование позаботилось об убеждениях, которые я мог иметь относительно Троицы или божественности Иисуса, да благословит его Господь. (Опросы регулярно показывают, что священники менее других верят в эти и другие догматы церкви, чем непосвященные, которых они обслуживают, священники чаще понимают такие термины как “сын Бога” метафорически, в то время как их прихожане понимают их буквально.) Таким образом, я стал “христианином на Рождество и Пасху”, ходил в церковь лишь время от времени и сжимал зубы всякий раз, когда слушал проповедь, ведь я прекрасно знал, что сказанное не имело ничего общего с истиной.

При всем этом, моя вера в Верховного Бога оставалась незыблемой. Я регулярно молился и старался жить по законам этики, некогда услышанным в церкви и воскресной школе. Просто я был немного более образованным, чтобы не пойти на поводу у придуманных человеком убеждений, церковных статей, Церкви, подвергшейся столь мощному влиянию язычества, политеизма и геополитических принципов.

(часть 2 из 4)

С прошествием лет меня все более охватывала тревога за увядающую религиозность в американском обществе в целом. Сейчас я говорю о той живой религиозности, духовности в сердце человека, а не о той, что выражается в обрядах, ритуалах, системе убеждений какой-то организации, например, Церкви. Американское общество постепенно лишается своего нравственного и духовного компаса. Два из трех браков распадаются, жестокость уже неизменно присутствует в наших школах, на улицах; ответственность людей сходит на «нет»; моралью самодисциплины стало: «если нравится, делай!»; различные христианские лидеры окутаны сексуальными и финансовыми скандалами; эмоции оправдывают поступки, какими бы мерзкими они ни были. Американская культура превращалась в нравственно обанкроченный институт. В своих религиозных тревогах я чувствовал себя одиноким.

На этом этапе жизни я стал общаться с местными мусульманами. Несколькими годами ранее мы с женой стали изучать историю арабских лошадей. По ходу исследований нам пришлось делать переводы арабских документов. Стремление не исказить текст привели нас к американцам арабского происхождения, которые оказались мусульманами. Первым был Джамал, с ним мы познакомились летом 1991-го.

После предварительного телефонного звонка, Джамал пришел в наш дом и предложил перевести для нас некоторые документы и помочь с историей арабских лошадей на Ближнем Востоке. Перед уходом Джамал спросил, может ли он воспользоваться нашей ванной комнатой, чтобы совершить омовение для ежедневной молитвы и попросил лист газеты в качестве молитвенного коврика. Мы, разумеется, согласились, но поинтересовались, может быть, нам стоило дать что-то более подходящее, нежели газета. Мы и подумать не могли, что Джамал занимается призывом. Он не произнес ни единого комментария о том, что мы – немусульмане, и даже не упоминал о своей религии. Он просто представил личный пример, который был красноречивее любых слов.

В следующие 16 месяцев Джамал бывал у нас все чаще. Во время своих визитов он никогда не рассказывал о своей религии, никогда не спрашивал о моих убеждениях и никогда не призывал меня стать мусульманином. И все же, я узнавал многое. Передо мной всегда был пример Джамала, совершающего регулярные молитвы. Я видел его высокую нравственность, которая проявлялась как в работе, так и в общественной жизни. Я наблюдал его общение с собственными детьми. Для моей жены жена Джамала также была примером. Объясняя историю арабских лошадей на Ближнем Востоке, Джамал всегда упоминал что-нибудь из арабско-исламской истории, изречения пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, коранические аяты и их контекстуальное значение. Фактически, при каждой встрече по меньшей мере 30 минут проходили в обсуждении какого-нибудь аспекта Ислама. Но всякий раз это представлялось как дополнительные сведения, помощь в понимании связи Ислама с историей арабских скакунов. Я никогда не слышал от него «именно так обстоит дело». Он говорил только «мусульмане верят, что...». Поскольку мне не «проповедовали» и Джамал никогда не спрашивал о моих убеждениях, мне не приходилось предпринимать попыток защитить свою позицию. Все выглядело как некое ознакомление с чем-то новым, а не стремлением переманить в свою веру.

Постепенно Джамал стал знакомить нас с арабскими семьями: Ваиль, Халид со своими семьями и другие. Так я имел возможность наблюдать за людьми, чьи принципы, мораль так отличались от принципов американского общества. Возможно, в практике Ислама было нечто, чего я не постиг за годы учебы в колледже и семинарии.

К декабрю 1992-го я уже задавал себе серьезные вопросы о том, что я вообще делаю. Дело было вот в чем:

- 1) В течение предыдущих 16 месяцев наша социальная жизнь стала всё более и более сосредотачиваться на арабском компоненте местного мусульманского сообщества. К декабрю мы проводили уже около 75% своей общественной жизни с арабами-мусульманами.
- 2) Благодаря учебе в семинарии я знал, как сильно искажена Библия (зачастую мог точно сказать в каком месте, когда и зачем), не верил в триединого Бога и не считал Иисуса сыном божьим, милость ему и благословение Господа. Коротко говоря, веруя в Бога, я совершенно определенно был монотеистом. Совсем, как мои друзья-мусульмане.
- 3) Мои личные ценности и чувство нравственности больше сочетались с ценностями мусульман, нежели «христиан», окружавших меня. К тому же перед глазами был пример Джамала, Халида, Уаиля... Я не переставал чувствовать ностальгию по той религиозной общине, в которой вырос. Спустя годы я нашел свое утешение среди мусульман. Американское общество может быть нравственно обанкроченным, но это не касается мусульманского общества, с которым я был знаком. Браки здесь были крепки, супруги – преданы друг другу, честность, правдивость, ответственность, семейные ценности – почитаемы. Мы с женой пытались жить так же, но при этом было чувство какого-то морального вакуума. В мусульманском обществе дело обстояло иначе.

Разные нити сплелись воедино: арабские лошади, мое воспитание, ранняя активность в христианском духовенстве, учеба в семинарии, тоска по нравственному окружению, наконец, моя связь с мусульманами.

Мой критический самоанализ достиг своего пика, когда я поймал себя на мысли: в чем разница между моими убеждениями и верованиями моих друзей-мусульман? Наверное, можно было бы поговорить об этом с Джамалом или Халидом, но я чувствовал себя готовым. Мы никогда с ними не обсуждали мои религиозные убеждения, и, пожалуй, мне не хотелось поднимать этот вопрос. Тогда я достал с полки все книги по Исламу, приобретенные за годы учебы. Как бы далек я ни был от позиции традиционной Церкви, как бы редко ни посещал церковь, я, все-таки, считал себя христианином, а потому начал с книг западных авторов. В тот декабрь я прочитал полдюжины книг об Исламе, включая биографию пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует. Далее я стал читать смысловые переводы Корана. Я никогда не рассказывал своим друзьям-мусульманам о книгах, которые я читал, никогда не упоминал, для чего я читаю такие книги. Однако порой я мог невзначай задать интересующий меня вопрос одному из них. Об этих книгах мы часто говорили с женой. К концу последней недели декабря 1992-го я был вынужден отметить, что не мог найти существенных отличий между собственными убеждениями и основными

положениями Ислама. Далее, будучи готовым признать Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, пророком (человеком, вещающим от Бога), и не имея никаких сомнений, что не было ни единого истинного божества, кроме Бога, я все еще не мог принять твердого решения. Я мог с уверенностью признать, что имел больше общего с Исламом, каким я понял его тогда, чем с традиционным церковным христианством. Я прекрасно знал, что легко могу согласиться (имея семинарское образование) со всем, что сказано в Коране о христианстве, Библии, Иисусе, мир ему и благословение Господа.

(часть 3 из 4)

Тем не менее, я сомневался. Оправдывал свои сомнения незнанием всех подробностей Ислама и тем, что все мое согласие с ним ограничивалось общими положениями. Таким образом, я продолжал читать и перечитывать.

Человеческое самовосприятие, так называемое «чувство Я», имеет огромное значение в определении его роли, места в космосе. В моей профессиональной практике были случаи, когда требовалось помочь пациенту справиться с зависимостью от сигарет, алкоголизма, наркотиков... Как практикующему врачу мне известно, что необходимо преодолеть основную физическую зависимость, чтобы возникло первичное воздержание. Это легкая часть лечения. Как сказал однажды Марк Твен: «Бросить курить легко. Я делал это сотню раз». Я также знал, что для продолжительного воздержания необходимо преодолеть психологическую зависимость пациента, которая тесно связана с его самовосприятием. К примеру, человек может воспринимать себя как «курильщик», «алкоголик» и т.д. Психотерапевтическое излечение возможно, только если повлиять на самовосприятие пациента. Это сложная часть, потому как психика человека крепко держится за старое и знакомое – психологически более комфортное, чем новое и незнакомое.

Эти профессиональные знания я использовал и в повседневной жизни. Однако, как ни странно, я не был готов применить их к себе, к собственным мыслям, сомнениям, касающимся религиозного самовосприятия. 43 года я воспринимал себя христианином. Избавиться от такого восприятия было нелегко. Оно было частью моей сущности. Уже сейчас я могу сказать, что моими сомнениями я пытался уверить себя, будто могу оставаться христианином и верить в то, во что верили мусульмане.

...Был конец декабря. Мы с женой собирались в путешествие на Ближний Восток. Бумажный вопрос требовал заполнить несколько бланков. Дойдя до пункта «религия» я автоматически подчеркнул «христианин» - это было легко, знакомо, комфортно.

Хотя это чувство комфорта было на миг потревожено, когда жена спросила, как я ответил на вопрос о религиозной принадлежности. Я тут же сказал: «христианин» и громко усмехнулся. Фрейд был прав, утверждая, что смех часто помогает избавиться от психологического напряжения. Каких бы ошибок ни допускал Фрейд, говоря об аспектах психосексуального развития, но с суждениями о смехе он попал в точку. Я посмеялся. От какого психологического напряжения мне нужно было избавиться посредством смеха?

Затем я быстро изложил жене, почему я был христианином, а не мусульманином. Улыбнувшись, она ответила, что интересовалась лишь тем, написал ли я «христианин», «протестант» или «методист». Я знаю, что человек не ищет оправдания на обвинение, которое еще не было предъявлено (если во время сеанса психотерапии пациент произносит «я не сержусь на это», а я и не затрагивал тему гнева, было ясно, что он чувствовал потребность защититься, как и поступало его подсознание. То есть, пациент действительно сердился, но не был готов признать или бороться с этим). Если жена не обвиняла меня («ты мусульманин»), значит обвинение (против которого я пытался защититься) исходило от меня самого, из моего подсознания. Я понимал это, но продолжал сомневаться. Мое самовосприятие «христианин», ярлык, который висел на мне 43 года, не собирался отлипнуть так просто.

Прошел месяц с тех пор, как жена задала мне тот вопрос. Был январь 1993-го. Прочитав, я отложил все книги об Исламе, написанные западными авторами. Два смысловых перевода Корана снова заняли свое место на полке. Я читал третий перевод. Возможно, в этой книге я найду внезапное оправдание за...

...Все чаще я обедал в местном арабском ресторане. В тот день я пришел, устроился за столик и открыл третий перевод Корана. Я подумал, что могу посвятить себя чтению в обеденный перерыв. Через мгновение я заметил Махмуда – он стоял рядом, чтобы взять заказ. Махмуд бросил взгляд на книгу, но ничего не сказал. Сделав заказ, я вернулся к чтению.

Несколько минут спустя жена Махмуда Иман принесла заказ. Эта американская мусульманка носила хиджаб (платок) и скромное платье, которое стало ассоциироваться у меня с женщинами-мусульманками. Заметив, что я читаю Коран, она спросила, мусульманин ли я. Ответ так быстро слетел с моих губ, до того, как я мог бы придумать что-то более нейтральное или учтивое: «Нет». Слово вырвалось резко, с оттенком раздражения. Иман вежливо отошла от моего столика.

Что со мной? Я вел себя грубо и почти агрессивно. Что сделала эта женщина, чтобы заслужить такую реакцию? Я был сам не свой. Благодаря моему воспитанию я обращался к служащим «сэр» или «мэм». Я мог игнорировать свой смех как избавление от напряжения, но невозможно было не обращать внимания на такое поведение с моей стороны. Я отложил чтение и обдумал произошедшее за обедом. Чем больше я

размышлял, тем сильнее меня охватывало чувство вины. Я знал, когда Иман принесет чек, мне придется попросить прощения. Этого требовала обычная вежливость. К тому же, мне действительно было не по себе за свою реакцию на ее простой вопрос. И почему он вызвал такую бурю эмоций не свойственную мне?

Когда Иман принесла чек, я попытался выдать что-то вроде извинения: «Я боюсь, что был несколько резок, отвечая на ваш вопрос. Если вы спрашивали, верю ли я, что Господь – один, тогда мой ответ: «Да». Если вы имели в виду, признаю ли я, что Мухаммад был одним из божьих пророков, то мой ответ: «Да». Она очень вежливо ответила: «Все в порядке. Кому-то требуется больше времени, чем остальным».

Надеюсь, что читатель будет довольно снисходительным и не станет слишком сильно смеяться над моим поведением. Я прекрасно понимал, что своими словами я только что произнес Шахаду – исламское свидетельство веры, т.е. «Свидетельствую, что нет божества, достойного поклонения, кроме Бога, и свидетельствую, что Мухаммад – пророк Бога». Но даже сказав это, и понимая смысл сказанного, я все еще держался своего старого и привычного ярлыка религиозной принадлежности. По крайней мере, я ведь не признал себя мусульманином. Я просто был христианином, пусть и не совсем типичным, но который охотно признавал, что Бог один, а не триедин, что Мухаммад – пророк от Господа. Если мусульмане считали меня одним из них, – это их дело, их религиозное восприятие. Не мое. Мне казалось, я нашел выход из этой путаницы с религиозным отождествлением. Я был христианином, который осторожно признавал и охотно произносил исламское свидетельство веры. Другие могли вешать на меня любые ярлыки, которые им вздумается. Главное – это их ярлыки, не мои.

(часть 4 из 4)

Был март 1993-го года. Мы с женой наслаждались пятинедельным отдыхом на Ближнем Востоке. Начался Рамадан – месяц, когда мусульмане постятся от рассвета до заката. Мы тоже решили соблюдать пост – исключительно в знак уважения к тем мусульманским семьям, в обществе которых мы так часто пребывали в Штатах. Также я стал совершать пятикратную исламскую молитву с моими новыми друзьями-мусульманами. В конце концов, в этих молитвах не было ничего, с чем бы я не соглашался.

Я был христианином, или, по крайней мере, так я говорил. Я ведь родился в христианской семье, получил христианское воспитание, посещал церковь и воскресную школу, окончил престижную семинарию, был назначен протестантским священником. В то же время, я был христианином, не принимающим триединого Бога, божественность Иисуса, мир ему и благословение Господа, прекрасно

осведомленным, насколько искажена была Библия, произнесшим слова Шахады (пусть и по-своему), постящимся в Рамадан, молящимся пять раз в день и глубоко впечатленным примером мусульманского общества как в США, так и на Ближнем Востоке. Когда спрашивали, являюсь ли я мусульманином, я произносил вышеизложенный пятиминутный монолог, вполне успешно оставляя тем самым вопрос без ответа.

Однажды, шагая со своим другом по узкой улочке бедного района в Аммане, мы встретили старца. Он поприветствовал нас словами: «Ассалямю Алейкум» (то есть «Мир вам»). Нас было трое: я не владел арабским, они не говорили по-английски. Прохожий, обращаясь ко мне, спросил: «Мусульманин?»

Я оказался в совершенной ловушке. Игра слов здесь была неуместна: я знал только английский, они – только арабский. Рядом не было переводчика, который вызволил бы меня из тупиковой ситуации, переведя мой заранее заготовленный монолог. Притвориться, что не понял вопроса, я также не мог. Мой выбор было ограничен двумя ответами: «на'ам» («да») и «ля» («нет»). Мне следовало выбирать. Причем, немедленно. Хвала Господу, я сказал: «На'ам».

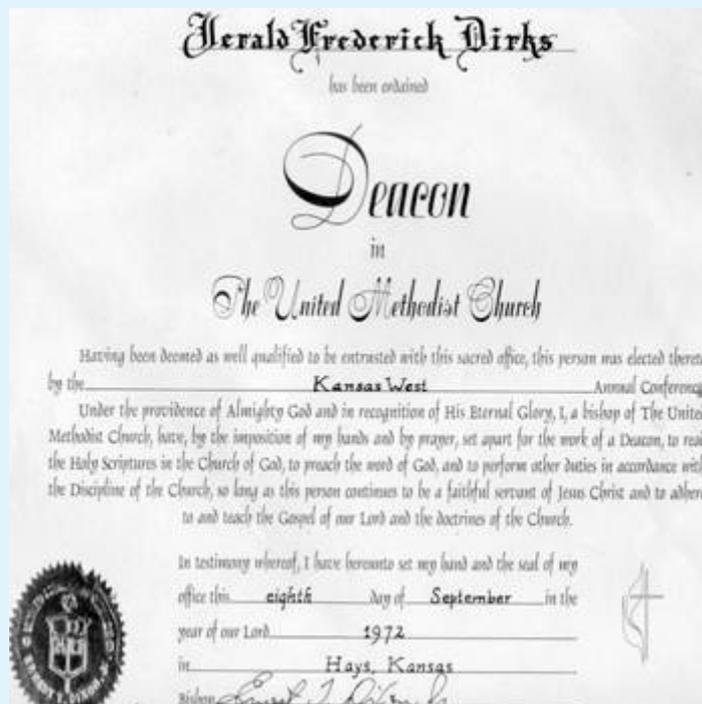
Одно коротенькое слово оставило позади и потребность в словесной игре и сложности с религиозным самовосприятием. Я не был неким странным, атипичным христианином. Я был мусульманином. Хвала Господу, жена тогда же приняла Ислам.

Несколько месяцев спустя, после возвращения в Америку, сосед пригласил нас, сказав, что хочет поговорить о нашем приходе в Ислам. Это был священник в отставке, с которым мы, бывало, беседовали о Библии, но никогда не заводили глубоких разговоров о религии. Я знал о его основательном семинарском образовании и о том, что он пел в хоре местной церкви каждое воскресенье.

Первая реакция: «Ну, все! Началось!» Но такова обязанность мусульманина – быть хорошим соседом и с готовностью рассказывать об Исламе. Таким образом, я принял предложение, а следующие 24 часа обдумывал, как лучше построить предстоящую беседу. Итак, час встречи наступил, и мы отправились к соседу. Через несколько минут разговора на отвлеченные темы, он, наконец, спросил, почему я решил принять Ислам. Этому вопросу я ждал и подготовил ответ: «Благодаря вашему образованию вам известно, что было много нерелигиозных факторов, повлиявших на решения Никейского Собора». Он немедленно прервал меня простым вопросом: «Многобожие вам стало невыносимо, не так ли?» Он точно знал, почему я стал мусульманином и не оспорил мое решение! Для себя, своего возраста, места в жизни, он предпочел быть «атипичным христианином». По воле Всевышнего, он завершил свой путь от креста к полумесяцу.

Чтобы быть мусульманином в Америке приходится чем-то жертвовать. Вообще, мусульманам всегда приходится чем-то жертвовать, где бы они ни находились, но в Америке эти жертвы ощущаются как-то более остро, особенно среди коренных американцев. Некоторые жертвы весьма предсказуемы: иная форма одежды, отказ от алкоголя, свинины, процентного роста... Другие могут быть несколько неожиданны. К примеру, христианская семья, с которой вы тесно общались, не желает более иметь ничего общего с вами и с любим, кто не считает «Иисуса личным спасителем». К тому же, несколько коллег по работе поменяли манеру общения со мной. Совпадение или нет, но за профессиональной помощью ко мне стали обращаться реже, и мой заработок снизился почти на 30%. С некоторыми жертвами тяжело было смириться, хотя это ничто по сравнению с полученным взамен.

Размышляющих о принятии Ислама и покорности Богу могут поджидать разные трудности – большие и малые. Этого никто не отрицает, и я не собираюсь утверждать, будто все легко. Однако не стоит переоценивать предстоящие трудности и жертвы. В конечном счете, они покажутся вам незначительными и, более того, слишком малой платой за приобретенное благо.

Грамота священника. Пожалуйста, обратите внимание, свидетельство слишком велико, чтобы просканировать его полностью: верхняя строка текста отсутствует, она гласит: "Да будет известно всем, что..."

VNIVERSITAS HARVARDIANA

CANTABRIGIAE IN REPUBLICA MASSACHVSETTENSIVM

PRAESES et Socii Collegii Harvardiani consentientibus
honorandis ac reverendis Inspectoribus in comitiis
sollemnibus

JERALD FREDERICK DIRKS
ad gradum Divinitatis Magistri cum laude

admiserunt eique dederunt et concesserunt omnia insignia
et iura quae ad hunc gradum spectant.

In cuius rei testimonium litteris Academiae sigillo munitis
die XIII Junii anno Domini MDCCCCLXXVIII Collegique
Harvardiani CCCXXVIII auctoritate rite commissa nomina
subscripserunt.

Deus Curtis Bok
PRAESIS

Richard S. Tedlow
DECANVS ORDINIS THEOLOGICAE

Веб-сайт:

www.muslimsweekly.com/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=92&Itemid=93